

[Почти приехал.]

Сообщение пришло точно в назначенное время.

Со Джинхёк вызвался заехать за мной, поэтому я скинул ему адрес кафе неподалеку. Давать адрес дома казалось слишком поспешным и личным — мы ведь еще не настолько близки.

В последний раз глянув в зеркало, не примялись ли волосы, я выскочил на улицу. До кафе нужно было еще дойти, так что я прибавил шагу. Стоило мне выйти из переулочка к главной дороге, как я увидел знакомый седан люкс-класса.

Я открыл пассажирскую дверь, и меня окутал знакомый аромат феромонов. Со Джинхёк был в нежно-голубой футболке с вырезом хенли.

Я впервые видел его в такой расслабленной одежде. Заметив меня, он кивнул.

— Пришли?

— Тут, наверное, сложно было сориентироваться, но вы быстро нашли дорогу.

— Вовсе нет. Совсем не сложно, — мягко ответил он.

Он не выглядел недовольным из-за того, что тратит воскресный день на какого-то мальчишку. Наоборот, вел себя так, будто сам этого хотел.

Прежде чем пристегнуться, я протянул ему пакет.

— Это... вам. Спасибо, что уделили мне время сегодня.

Внимание Со Джинхёка переключилось на подарок.

— Работа, которую вы мне нашли, не пыльная, а платят за нее даже слишком много. У меня теперь куча свободного времени. Я очень благодарен... и еще вспомнил, что вы подарили мне стихи.

Со Джинхёк не стал сразу трогаться, а взял книгу — «Роза и кошка».

Я сам выбирал её в магазине. В книжном пахло бумагой, а люди, уткнувшись в полки, стояли как затерянные острова. Я давно не испытывал таких странных чувств. Я и раньше бывал в книжных, но всегда за учебниками, а не за поэзией.

Я долго наблюдал за матерью и дочкой, выбирающими сказки, а потом быстро прошел к отделу поэзии. Там, на полках, мимо которых я всегда проходил не глядя, оказались сотни мыслей, записанных незнакомыми людьми.

Не знаю, сколько раз я доставал книги и убирал их обратно на полку. Выбирал долго и придирчиво. В итоге остановился на сборнике, в названии которого упоминалось животное. Причина была до идиотизма простой: раз есть животное, значит, и стихи будут о нём.

Конечно, когда я бегло пролистал страницы, то понял: звери там мелькают, но совсем не в том смысле, какой я себе воображал. Но у меня не было других критериев для выбора, кроме заголовка.

Со Джинхёк медленно открыл книгу. Листал страницу за страницей, не торопясь.

— Почему именно эта?

— В названии есть кошка... Я не особо разбираюсь в поэзии, так что даже не знаю, о чём там на самом деле.

Раз он спросил, надо было отвечать, но признаваться в причинах было чертовски неловко. Я невольно замялся. Услышав мои слова, он негромко рассмеялся.

— Спасибо. Обязательно прочту.

Не знаю, пришлось ли ему по душе содержание, но выглядел он искренне довольным.

Со Джинхёк ещё раз просмотрел сборник, убрал его на заднее сиденье и взялся за руль. Машина наконец тронулась. Я чувствовал себя так, будто мы едем на пикник.

Пока он вёл машину, Со Джинхёк вдруг спросил:

— Любите животных?

Наверное, этот вопрос вырос из моих слов про кошку.

— Они просто милые.

— А завести не хотели?

— Не особо... Я не умею ухаживать за кем-то. Я ведь вырос в приюте.

Сказав это, я украдкой взглянул на его лицо. Убедившись, что тема его не смущает, я продолжил:

— Это был приют «Каритас». Как понятно из названия, при женском монастыре. Людей постоянно не хватало, так что когда мы подрастали, начинали помогать. Но я тогда только и делал, что косячил, поэтому меня отстранили от общих дел. Вместо этого я ошивался на кухне и готовил.

Я старался говорить легко, чтобы не нагнетать обстановку. Факт того, что я сирота, всё равно не изменишь, да и комплексов из-за жизни в приюте у меня не было. Просто иногда становилось паршиво оттого, что мне некуда возвращаться и у меня нет семьи.

Наверное, из-за того, что у меня никогда не было близких, я строил какие-то нелепые иллюзии на этот счёт. Хотя Мун Сынвон и твердил, что от паршивой семейки никакого толка, одни проблемы.

Со Джинхёк внимательно выслушал меня и мягко произнёс:

— Значит, вот почему вы так хорошо готовите.

— Ну и это тоже, но я ещё и подрабатывал поваром.

От смущения я принялся тереть рукав, отводя глаза.

— Вам пришлось несладко.

Ещё вчера меня задевала его жалость, но сейчас это чувство притупилось.

— Да нет, нормально. Учёба давалась мне куда тяжелее...

Я хотел проявить скромность, но тут же вспомнил, что сейчас как раз готовлюсь к экзаменам. Заметив мою заминку, я посмотрел на Со Джинхёка — на его губах играла озорная улыбка.

— И как успехи в учёбе?

Как назло, загорелся красный свет. Машина замерла, и уйти от вопроса стало невозможно.

— Математика идёт туго. Давно не брался за учебники. Но учитель меня хвалит.

Хотя, скорее всего, это просто лесть. Я проглотил эти слова. Учítывая, сколько ему платят, учитель просто обязан быть со мной предельно вежливым.

Тем не менее, я старался говорить только о хорошем. Со Джинхёк застучал длинными пальцами по рулю.

— Не перенапрягайтесь. Можете сдавать не торопясь. Я не собираюсь вас подгонять.

— В интернете пишут, что если не сдал с первого раза — ты дурак.

— У вас всё получится.

Я понимал, что это просто дежурная фраза, но слышать её именно от него было совсем другое дело. Его слова заставили меня захотеть вгрызться в учебники, чтобы сдать всё с первой попытки.

Мне безумно хотелось оправдать его ожидания. Если он сказал это специально, чтобы меня подстегнуть, то это было просто коварно.

— О, мы приехали.

Галерея находилась на окраине Кёнгидо, на невысоком холме. Тихое место с живописным видом.

Мы поднялись по пологой дороге, и перед нами выросло массивное здание. Вокруг галереи с просторной парковкой ковром цвела ярко-желтая сурепица.

Мы вышли из машины и направились к входу. Словно поджидая нас, из стеклянных дверей быстро выбежал сотрудник.

— Здравствуйте, господин директор Со. Я куратор Ли Санхи.

— Добрый день. Простите, что беспокоим в выходной.

— Что вы, это честь для нас. Мы очень признательны за ваш визит.

Куратор поклонилась так низко, будто Со Джинхёк был её личным боссом.

Рядом с ним меня всегда принимали по высшему разряду. Совсем другой мир. Он же принимал такое отношение как должное. Слегка улыбнулся девушке и взял два заранее приготовленных буклета.

— Провожать не нужно. Дайте только аудиогиды. Мы просто немного осмотримся.

— Как скажете, господин директор. Если что-то понадобится — зовите. Приятного отдыха.

Куратор ушла, а мы вошли в зал. Внутри, где проходила выставка импрессионистов, повсюду стояла охрана.

Со Джинхёк протянул мне буклет и прошептал:

— Мать Ли Джэсока по специальности художник. Она всегда мечтала открыть свою галерею, вот, наконец, мечта сбылась.

Он говорил так, словно делился со мной секретом. От этого шёпота по коже пробежали мурашки.

Я хихикнул и пристроился рядом с ним. В нос ударил характерный запах масляных красок. Картины, в основном небольшие, висели ровными рядами.

— Если всё-таки понадобится куратор — только скажите.

— Нет, мне и так хорошо.

— Верю. На самом деле это может быть довольно скучно.

Со Джинхёк игриво улыбнулся.

Как он и предсказал, ни куратор, ни аудиогид нам негодились. Сначала я честно пытался слушать запись, но быстро сдался. Тратить по несколько минут на каждую деталь картины было выше моих сил.

Тем более что моим персональным куратором был сам Со Джинхёк, и это было куда круче. Он коротко пояснял то, что знал в рамках общей эрудиции, или зачитывал интересные факты из буклета. Слушать его было в сто раз интереснее. Биографию художников и так можно было прочесть на входе.

— Вы хорошо разбираетесь в живописи?

— Пришлось изучать историю западного искусства в университете. Писал курсовую как раз по импрессионизму. Повезло, что теперь могу хоть что-то вам рассказать.

Все свои знания он списывал на простое везение. Я привык к людям, которые обожают хвастаться, поэтому Со Джинхёк казался мне инопланетянином. Таких людей в моём окружении никогда не было. И дело не в дорогом костюме, крутой тачке или роскошном доме.

Он был самым культурным человеком из всех, кого я знал. Альфа, который читает стихи, разбирается в живописи и проявляет доброту к случайному сироте. Возможно, для него эта помощь была просто формой социальной ответственности.

Мы осматривали картины просто: проходили мимо тех, что не цепляли, и задерживались у знакомых полотен. Мы бродили по залам, соблюдая дистанцию — не слишком близко, но и не далеко друг от друга.

Проходя мимо очередных рам, мужчина остановился перед картиной Моне и, скрестив руки на груди, погрузился в созерцание. Или просто о чём-то задумался.

Впрочем, неважно. Искусство меня интересовало постольку-поскольку; я пошёл сюда только ради него и теперь вовсю любовался самим Со Джинхёком.

Видимо, я смотрел слишком пристально. Со Джинхёк почувствовал мой взгляд и повернулся.

— Скучаете?

— Нет, что вы.

Я испугался, что он примет мой интерес за скуку, и поспешно добавил:

— Просто тут нет «Звёздной ночи».

Я надеялся её увидеть. Среди работ Гога было два полотна, но той самой картины не оказалось. Наверное, я подсознательно ждал её, раз Со Джинхёк первым делом показал мне именно её на телефоне.

Заметив моё разочарование, Со Джинхёк подбодрил меня:

— Она в музее Нью-Йорка. Скорее всего, её не смогли арендовать. Такие шедевры редко вывозят.

— А...

Музей в Нью-Йорке. Другой край света. Для меня, человека, который даже на Чеджу не бывал, это звучало как сказка. Может, когда-нибудь я заработаю достаточно денег и смогу поехать в Нью-Йорк. Кто знает, когда это будет.

Заметив моё разочарование, Со Джинхёк подбодрил меня:

— Как-нибудь съездим и посмотрим.

Его глаза формы миндаля чем-то напоминали кошачьи. Обычно в них читалась лёгкая усталость и отстранённость, но во время разговора они оживали.

Возможно, дело в складке века только на одном глазу — это придавало его взгляду какую-то особую глубину. А ещё этот аромат сандала и тимьяна, свежий, как воздух после дождя.

— Не грустите так.

— Да. Просто жаль.

Я понимал, что мы вряд ли когда-нибудь полетим в Нью-Йорк вместе, но в сердце всё равно затеплилась надежда. Со Джинхёк ведь ответственный человек. А билет до Нью-Йорка для него наверняка сущие копейки.

Я начал накручивать себя, и мои мысли стали похожи на полинявшую одежду после неудачной стирки. Убого и жалко.

Мне не хотелось вешаться ему на шею только потому, что он решил мне помочь. В конце концов, он имел полное право прекратить свою благотворительность в любой момент.

— Но серьёзно, если вам скучно — так и скажите. На самом деле я тоже не большой фанат музеев. Бывал в них всего пару раз, когда приглашали на открытие чьей-нибудь выставки.

Он заговорщицки подмигнул. Я опешил и забормотал:

— Может, тогда поедem домой? Я не против.

Со Джинхёк усмехнулся и, сделав шаг ко мне, слегка наклонился.

— У вас есть привычка со всем соглашаться. Можете говорить честно, я не обижусь. Если нравится — хорошо, если нет — так и скажите. Не нужно под меня подстраиваться. Я и сам пришёл сюда в основном для того, чтобы поздороваться с владелицей.

Он хитро улыбнулся.

— Мне понравилось быть здесь с вами. А вам?

— И мне.

Я даже не раздумывал. Раз ему понравилось, то и мне тоже. Да и без его вопроса я бы ответил так же.

— Вот и славно.

Он отстранился. Снова тридцать сантиметров, а то и больше. Протяни руку — и коснёшься, но сделать этот шаг так сложно.

В любом случае, сокращать дистанцию или увеличивать её было его правом.

Похоже, он не врал, что пришёл повидаться с матерью Ли Джэсока. Когда мы уже почти закончили осмотр, к нам поспешила женщина средних лет в сопровождении нескольких сотрудников.

— Директор Со!

— Здравствуйте, директор Хан.

Госпожа Хан обняла его и весело рассмеялась. Её смех эхом разнёсся по тихим залам галереи.

— Ой, ну какой я «директор». Зови меня как раньше.

— Но теперь-то вы официально директор.

Госпожа Хан буквально светилась от счастья.

Несмотря на то что она была матерью Ли Джэсока, выглядела она очень молодо. Большие глаза, открытая улыбка и жемчужные серьги придавали ей невероятную элегантность.

В её девичьем смехе иногда проскальзывали черты лица Ли Джэсока. Определённо, мать и сын.

У них были одинаковые глаза и линия губ. Она больше походила на его старшую сестру. Если бы я не знал заранее, то точно бы ошибся.

— И где ты только научился таким манерам, Со Джинхёк? Арендeвал зал сразу после

открытия, да ещё и сверху доплатил.

— Вы же знаете, я терпеть не могу толпы.

Госпожа Хан, продолжая дружески обнимать его, наконец заметила меня и ахнула.

— Ох, голова моя садовая! А это кто? Познакомь же нас.

Я замер под её взглядом. Со Джинхёк с улыбкой представил меня:

— Это друг, который помогает Джэсоку по работе.

— Неужели?

Она заговорила радостным голосом, но я не мог сдержать внезапно нахлынувшую обиду. Я не винил Со Джинхёка, но в этот момент почувствовал себя совершенно чужим для него человеком.

Впрочем, я и сам не знал, как он должен был меня представить. «Стипендиат, которого я выбрал»? Звучало бы ещё нелепее.

— Здравствуйте. Меня зовут Чхве Асель.

Подавив смятение, я вежливо поклонился. Она схватила меня за руку для рукопожатия.

— Приятно познакомиться, Асель. Я Хан Сунчжи, мама Джэсока. Мой сын ведь тот ещё эгоист, да?

— Ха-ха. Он очень добрый.

— Он просто рос в тепличных условиях, но зла в нём нет.

Она заговорщицки подмигнула мне.

— Уж потерпи его.

— Что вы, он отличный парень.

Я не кривил душой — Ли Джэсок был лучшим боссом в моей жизни.

— Спасибо. Со Джинхёк, может, поужинаешь сегодня с нами?

Со Джинхёк с лёгким сожалением ответил:

— Мне нужно отвезти Аселя домой.

Госпожа Хан приложила ладонь ко лбу.

— Ох, и правда. Совсем из головы вылетело. Ладно, не сегодня. Но как-нибудь обязательно заходи к нам вместе с Джэсоком. Ты ведь так часто бывал у нас в детстве, жаль, что сейчас редко заглядываешь.

— Джэсок на каждом углу трубит, что не собирается жениться. Если не будете заставлять меня ходить на свидания вслепую, то загляну.

— Ох. Была бы у Джэсока такая же славная девушка, как твоя невеста, я бы и горя не знала.

Меня будто ледяной водой окатили. Не знаю, кондиционер ли виноват, но я вдруг весь продрог.

Я впервые слышал слово «невеста» в разговоре Со Джинхёка с его знакомыми. Кошмар, который раньше казался просто выдумкой или строчкой из книги, внезапно обрёл плоть.

Я невольно взглянул на Со Джинхёка. Он продолжал улыбаться, как ни в чём не бывало. Всё та же безупречная улыбка.

Все об этом знали, кроме меня. Или я просто предпочёл забыть. Тот звонок, радость, подарок... всё вдруг стало бессмысленным. Не понимаю, что я творю. И почему постоянно об этом забываю?

Они обменялись ещё парой фраз и попрощались. Всё это время я стоял рядом, не в силах пошевелиться, словно каменное изваяние.

— Ну, Со Джинхёк, до встречи.

— Да. И не перетруждайтесь.

— В моём возрасте остаётся только смотреть по сторонам. Асель, тебе тоже пора.

— Да. Всего доброго.

Когда я максимально вежливо попрощался, госпожа Хан умилённо улыбнулась. Но стоило мне собраться уходить, как она меня притормозила.

— Ой, подожди. Санхи? Принеси-ка каталог. И открытки туда вложи.

— Слушаюсь, госпожа директор.

Куратор, стоявшая рядом, куда-то убежала и вернулась с большой книгой. Каталог в твёрдом переплёте оказался довольно тяжёлым.

— Вот, это каталог нынешней выставки. Внутри лежат открытки, возьми на память.

— Спасибо большое.

— Пожалуйста. И приглядывай за моим сыном.

Она мягко похлопала меня по плечу и наконец ушла. Шум мгновенно стих. В наступившей тишине я от неловкости теребил каталог, прежде чем заговорить.

— Директор Хан... я думал, она сестра Джэсока-хёна.

Со Джинхёк удивлённо вскинул бровь.

— Хёна?

— А, да. Он сам просил его так называть. Я разве не говорил?

— Кажется, в ресторане я этого не слышал.

Неужели он ревнует? В душе шевельнулась робкая надежда. Но он лишь на мгновение

задумался и больше ничего не спросил.

— Понятно.

На этом всё. Мои ожидания какой-то бурной реакции рассыпались в прах.

<http://bllate.org/book/17249/1731531>